10 2011

Молекулярная забастовка

Gerald Raunig

Перевод с английского ДМИТРИЯ ПОТЕМКИНА

17 сентября 2011 года. Участники шествия по Нижнему Манхэттену выбирают конечной точкой своего дрейфа небольшой парк рядом с гигантской стройплощадкой Всемирного торгового центра. Площадь, где располагается парк, раньше была общественной. Сегодня она находится в собственности риэлтерской корпорации *Brookfield Properties* и носит имя ее главы Джона Зукотти. Однако на старых картах округа площадь значится под другим именем: Либерти плаза — Площадь свободы. Демонстранты решили оккупировать эту территорию не столько в знак универсалистского призыва к свободе, сколько для того, чтобы добавить еще одну деталь к абстрактной машине, которая весь этот год задавала траекторию политического движения — особенно в средиземноморском регионе. Наиболее сильным элементом этой абстрактной машины была, пожалуй, египетская фаза «арабской весны» центром которой стала

Площадь Тахрир — египетская Площадь свободы. Оккупируя еще одну площадь свободы — рядом с Уолл-стрит — прекаризованные демонстранты пытаются не только прервать подчиненную детерриториализацию (потоки, идущие через глобальный финансовый центр), но также взять на вооружение практики, при помощи которых сегодняшний активизм по-новому де- и ретерриториализирует их время, социальность и саму жизнь.

В своем последнем лекционном курсе, озаглавленном «Мужество истины»[1], Мишель Фуко исследовал скандальную жизнь киников, по отношению к которым он применял понятие «философский активизм». Используя это словосочетание, он не пытался придать привилегированный статус деятельности философов или тем более свести активизм к когнитивной способности. Скорее, философ-киник представлял для Фуко более общую форму активизма, форму изменения мира и создания новых миров. В поздний период своего творчества он пришел к пониманию философского активизма как «активизма в мире и против мира».

Кинический философ — это в первую очередь образцовая, анекдотическая и почти что мифическая фигура Диогена, человека без постоянного места жительства (не считая бочки), живущего абсолютно публичной жизнью,

скандального, известного за привычку прилюдно мастурбировать, а также практикующего паррезию — особый тип речи, когда человек «говорит все», что у него на уме, даже если это может быть очень опасным. Для киников именно в этой речевой практике искусство существования обретает единство с дискурсом истины. Фукольдианская «история жизни как возможной красоты» представляет древнегреческий кинизм как ключевой этап всей генеалогии скандальных, непокорных и самосозидающих форм жизни. Фуко прослеживал исторические актуализации кинического активизма в миноритарных еретических движениях Средневековья, политических революциях эпохи современности, а также (что может показаться слегка странным) в XIX веке — в теме жизни художника. И здесь я бы хотел добавить к фукольдианской генеалогии новые активистские практики XXI века: антиглобалистское движение, социальные форумы, антирасистские лагеря против границ, квир-феминистский активизм, транснациональные забастовки мигрантов и Первомайское движение прекарных работников. За последний год эти новые формы активизма стали с предельной интенсивностью распространяться по всему средиземноморскому региону: начиная с захватов университетов и кончая «арабской весной» и оккупацией центральных площадей в Греции, Испании и Израиле. Круглосуточные сидячие забастовки на

Площади 7 ноября в Тунисе, революционные оккупации Площади Тахрир в Египте и площади Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, палаточная демонстрация на бульваре Ротшильд в Тель-Авиве. У всех этих новых форм активизма много общего: апроприация реального пространства, борьба с прекаризацией, жесткой конкуренцией и безудержностью современного производства, нежелание создавать представительские органы и объединение в транснациональную цепь социальных движений. Тем не менее, можно выделить три специфических вектора, в направлении которых эти активистские инициативы вступают на новую территорию: поиск новых форм жизни, изобретение радикально инклюзивных форм организации и настаивание на реапроприации времени.

1. Изобретение новых форм жизни

Когда вслед за революциями Фуко вводит в свою генеалогию кинизма искусство, его интересует не столько классическая эстетика или экзистенциалистская теория искусства, сколько искусство, которое «может придавать нашему существованию особую форму, радикально отличающуюся от всех прочих»[2], форму, которая создает себя сама и заново себя изобретает, особую «эстетику существования».

Эстетика как этика, как изобретение новых моделей субъективации и новых форм

(совместной) жизни, существование как эстетический объект, жизнь как прекрасное произведение. Этот этико-эстетической аспект формирования жизни ни в коем случае не следует понимать в духе индивидуалистической стилизации. И хотя дендизм и экзистенциализм, безусловно, принадлежат к генеалогии «эстетики существования», само это понятие не отсылает к эстетизации существования художника. Напротив, примеры, приводимые Фуко, отсылают скорее к понятиям отношения и обмена и не связаны с реализацией чистой и автономной самотождественности. Формирование жизни как совместного проживания происходит на микро- и макрофизическом уровнях — через формирование индивидуального тела и общественных отношений соответственно. В своем курсе лекций Фуко четко это проговаривает: «Основывая свой анализ кинизма на теме индивидуализма, мы, однако, рискуем упустить то, что с моей точки зрения является одним из [его] фундаментальных измерений, ключевую проблему кинизма — проблему установления взаимоотношений между формами существования и манифестацией истины»[3]. Философский активизм не связан с образцовой философской или артистической жизнью вне отношений, «на краю мира». Киники живут в мире, против мира, в горизонте другого мира. Выражаясь словами Фуко, они «утвердили эту инаковость другой жизни — не просто как выбор другой, счастливой, суверенной жизни, но как

практику активизма, в горизонте которого находится другой мир»[4].

Это понимание другой жизни, делающей возможным и другой мир, тем более уместно в случае коллективного кинизма, или, точнее, молекулярного кинизма сегодняшних активистских инициатив. В центре этого молекулярного кинизма находится не индивидуальный философ, не художник-денди и не экзистенциалистский активист — скорее, ключевыми здесь являются отношения обмена между множеством сингулярностей, практикующих непокорные, неподчиняющиеся, индустрийные формы жизни.

Если воспринимать сегодняшние революции не только как молярные, то есть как в узком смысле политические проекты, но также и как молекулярные, тогда наряду с политическим проектом находит свое место и эстетика существования — как «непрерывная и постоянно возобновляемая работа формирования [жизни]»[5] и совместного проживания. Современное понятие молекулярной революции предполагает наличие этико-эстетического уровня трансформации форм жизни в прекрасную и благую жизнь, а также становление трансконтинентальных форм совместного проживания: микромашин, которые в своей сингулярной ситуативности формируют непокорные способы существования и

субъективации и развивают искусство существования и техники жизни, а также транслокальных, глобальных абстрактных машин. Кроме того молекулярная революция включает в себя и «этическую революцию», к которой в конце своего манифеста призывают активисты испанского Движения 15 мая. Множество, которое, начиная с 15 мая, на несколько недель оккупировало главные площади испанских городов, не особо заинтересовано в завоевании символического пространства и внимании медиа. Они оккупируют площади, присваивают их, делая своими — пусть даже понимая, что это ненадолго. И тем не менее это время — решающее, чрезвычайно важное для их жизни время, время ассамблей, общественное время совместного проживания и сна на оккупированных площадях. Эта новая этико-эстетическая парадигма стремится к революции через формирование собственных жизней и совместного проживания. Призыв к этической революции не имеет никакого отношения ни к требованию других, лучших политиков, ни даже к очевидному требованию устранения коррумпированной политики как таковой. Напротив, это требование, которое протестующие обращают к самим себе, — призыв к фундаментальным преобразованиям, к созданию неподчиняющихся машинных типов жизни, непокорных производств и нонконформных форм совместного проживания.

2. Изобретение новых способов организации

Когда представители сегодняшних активистских инициатив выступают против односторонней молярной процедуры, это не значит, что они игнорируют вопросы организации и ретерриториализации. И все же расчерчивание времени и пространства находит собственные молекулярные процедуры. Молекулярные способы организации не органичны, а скорее оргически-индустрийны, не основываются на репрезентации, а являются нерепрезентационистскими, не иерархичны, а радикально инклюзивны. Молекулярность не ориентирована на захват государственной власти — она действует в порах повседневной жизни, в молекулах ее форм. Молярная организация возникает как рифленая ретерриториализация, она сосредотачивает борьбу на одной основной проблеме, главном противоречии, господине. В молекулярном мире дисперсии и множественности нужна другая ретерриториализация: инклюзивная и трансверсальная, вне индивидуальных или коллективных привилегий. Трансверсальность означает, что движения ретерриториализациии и детерриториализации не преследуют какой-либо конкретной цели, не устанавливают и не охраняют какие-либо привилегии. Они сглаживают и расчерчивают территории, пересекая их насквозь. Особые права каждой

сингулярности диаметрально противоположны индивидуальным или коллективным привилегиям. Но эти права имеют место лишь там, где каждая сингулярность может полностью проживать свою особость, пробовать свою форму сосуществования, расчерчивая собственное время. Привилегированного положения нет ни у интеллектуалов, ни у художников, ни у активистов. Молекулярная борьба возникает случайно и распространяется через пространства, случайные по отношению к случайности, породившей эту борьбу. Молекулярную организацию никто не возглавляет.

Кинический философ — это антикороль. Практика философского активизма невозможна в форме сект, сообществ и любых других малочисленных объединений. В кинизме вообще нет сообщества. Киническая форма философского активизма, согласно Фуко, «открыта, то есть, иначе говоря, это активизм, обращенный абсолютно к каждому»[6]. Эта открытость получает свое развитие в практиках нового молекулярного активизма. С точки зрения активистов она ставит радикальную инклюзивность в центр ассамблей, дискуссий и действий. Это «активизм, обращенный абсолютно к каждому», но при этом действующий не универсалистски, а трансверсально — примером тому палаточный лагерь на бульваре Ротшильд в Тель-Альвиве, где в сентябре 2011 года произошла

самая массовая в истории Израиля демонстрация в защиту социальной справедливости. Здесь радикальная инклюзивность — это в первую очередь организация открытой среды, в которой право на жизненное пространство для каждого не только требуется, но и реализуется в ходе самих протестов. Палаточные комплексы, ассамблеи, дискуссии — все это живые примеры радикальной инклюзивности и трансверсальности протестного движения.

В случае движения «Оккупируй Уолл-стрит» тенденция к радикальной инклюзивности проявляется в первую очередь в изобретении и развитии генеральных ассамблей. Причем это не столько «генеральные ассамблеи» в общепринятом смысле слова — скорее речь идет о трансверсальных сборках сингулярностей, оживляющих низовые демократические опыты антиглобалистского движения и социальных форумов и развивающих их в форму своеобразного многоголосия. Взять, например, новую процедуру звукоусиления, изобретенную почти что по чистой случайности и под давлением необходимости: из-за того, что полиция запретила протестующим использовать микрофоны, мегафоны или любые другие технические средства звукоусиления, они начали хором повторять каждое предложение, произносимое выступающими. Смысл этого повторения заключается в первую очередь в том,

чтобы речь выступающих могли слышать и понимать сотни людей, находящихся в открытом пространстве. И тем не менее, хор как средство звукоусиления не является здесь ни нейтральным медиумом для передачи сообщения, ни признаком эйфорической поддержки выступающих. Возможна ситуация, когда хор, в котором все произносят одно и то же, по факту оказывается многоголосым и дифференцированным: один поддерживает выступающего при помощи жестов рук, другой, используя другие жесты, демонстрирует свое несогласие, а третий вообще отворачивается от выступающего, чтобы тем, кто стоит за ним, было лучше слышно.

3. Активная реапроприация времени

Подобно тому, как кинический философ, живя оскорбительно прозрачной жизнью, ищет скандала, новые активистские инициативы выражаются абсолютно открыто, буквально воспринимая пустое обещание «публичного пространства». Это максимально публичное упражнение в девиантных способах субъективации — не столько или не только в наготе, бездомности и распущенности, свойственных киникам, но главным образом в игре с парадоксом публичности: публичного пространства не существует, особенно в гладком пространстве городских центров, будь то

туристические «не-места» вроде площали Пуэрта-дель-Соль или бульвара Ротшильд, приватизированная зона Зукотти-парка или оживленная площадь Тахрир. Но несмотря на это (а, может, наоборот, именно по этой причине) новые активистские движения оккупируют центральные площади, превращая их в общие места, совершая парадоксальную провокацию нормативности и нормализации. Однако помимо пространственной ретерриториализации деятельность протестующих характеризует в первую очередь реапроприация времени. Посреди нервной полиритмичности ненадежной жизни, этой смеси одержимости и меланхолии, они изобретают избыток, посреди подчинения — создают желание неподчинения. Посреди спешки в отсутствие чувства времени прекарные забастовщики настаивают на иных отношениях времени, они расчерчивают время в терпеливости ассамблей, они живут, бодрствуют и спят на площадях, нащупывая первые, зачаточные возможности новой формы сопротивления — молекулярной забастовки.

Протестующие серьезно относятся к пространству и времени, которые они организуют, расчерчивают, делают рифлеными. Они не жалеют времени для долгих, терпеливых дискуссий, оставаясь на площадях и создавая новые формы повседневной жизни — пусть даже ненадолго. Молекулярная забастовка разбрасывает эти новые малые длительности

посреди повседневной жизни, которая до этого была безграничной. Их установление, однако, сперва потребует событийного разрыва с подчиненной детерриториализацией машинного капитализма. Молекулярная забастовка — это одновременно и длительность, и разрыв. Это не уход, не бегство от мира сего и не перерыв. Молекулярная забастовка — это брешь во временном режиме подчиненной детерриториализации, которую мы пробиваем, чтобы пробовать новые формы жизни, новые формы организации, новые отношения времени. Это уже не просто борьба за сокращение рабочего времени, а скорее за совершенно новое расчерчивание времени как целого. В машинном капитализме речь идет о целом, о тотальности времени и его полной апроприации. Молекулярная забастовка — это борьба за реапроприацию времени, его расчерчивание, отрезок за отрезком. Новые «вобблис» будут не Индустриальными рабочими мира, а скорее Индустрийными рабочими мира, громадной всеохватывающей индустрией, не покоряющейся подчиненной детерриториализации и одновременно проводящей собственную ретерриториализацию, индустрийной ритурнелью, опасным классом, который больше не позволит, чтобы его время воровали.

Текст был представлен *23* сентября *2011* года в качестве доклада на саммите «Креативное время», проходившем в центре исполнительских искусств *Skirball* университета Нью-Йорка, и посвящен протестующим — участникам движения «Оккупируй Уолл-стрит».

The Russian version has been published in Moscow Art Magazine, *#89, 2013, pp. 76-82*

[1] *Foucault M.* The Courage of Truth. London: Palgrave Macmillan, 2011.

[2] Ibid. p. 187.

[3] Ibid. P. 284.

[4] Ibid. P. 287.

[5] Ibid. P. 162.

[6] Ibid. P. 284.